

Ей пришла в голову мысль. "Я пойду с Гарри, когда он отправится в Хогвартс на поиски диадемы".

Сириус громко вздохнул. "Я боялся, что ты это скажешь. Ты слишком охотно жертвуешь собой ради блага других".

"Может, я похожа на своего отца", - предположила она с легкой горечью в голосе.

Сириус ухмыльнулся. "Может быть. Но твоя мама тоже была гриффиндоркой".

Гермиона посмотрела на него широкими, полными отчаяния глазами. "Ты знал ее?"

На семейном гобелене о ней ничего не было написано, а профессор Снейп не пропускал ни слова о ней мимо ушей, так что Гермионе оставалось довольствоваться лишь небольшими намеками в дневниках. А ведь дневников было так много, и она еще не все прочитала.

"Марлин?" Сириус усмехнулся и подтвердил то, что дневники заставили ее поверить. "Да, мы были друзьями. Она была великолепна. Умная, веселая и ни с чем не мирилась. И дружелюбная. А ты... . Я вижу, что ты ее дочь".

"Ты уверен, что она моя мать?" спросила Гермиона, удивляясь тому, как легко было произносить слово "мать" по отношению к женщине, о которой она едва ли имела представление, и в то же время признать Регулуса Блэка своим отцом вслух было все еще трудно. "Это... . Я только на четвертом курсе Хогвартса", - сказала она, глядя на книгу в кожаном переплете в своих руках.

"Мой брат смотрел только на одну ведьму, и это была она". Сириус улыбнулся, в его глазах застыло выражение счастливой ностальгии, и Гермиона улыбнулась, увидев это. "С первого момента их встречи в поезде. Слизеринцы редко дружили с гриффиндорцами, знаете ли. Те, кто дружил, выделялись. Я имею в виду, очевидно, что вы существуете, так что каким-то образом им удалось это сделать, по крайней мере, на какое-то время. Несмотря на то, что они принадлежат к двум враждующим Домам".

Гермиона кивнула, а затем прошептала: "В честной Вероне".

"Что это?"

"Маггловская пьеса", - сказала она ему. "Ромео и Джульетта. Ты знаешь ее?"

Сириус обиженно надулся, прежде чем драматически произнести: "От древней обиды до нового мятежа, где гражданская кровь делает гражданские руки нечистыми. Из роковых чресел этих двух врагов выйдет пара влюбленных..."

"Забрать их жизнь", - хмуро закончила стих Гермiona.

Сириус сглотнул и кивнул, и между ними воцарилась тишина.

Гермiona задавалась вопросом, утихнет ли когда-нибудь горе - горе по родителям-магглам, которых она потеряла навсегда; горе по умершим родителям, которых она никогда не узнает. А ещё была тайная затаённая боль, которая не давала покоя слишком долго - боги, если бы она только могла её прогнать.

"У звездных влюбленных никогда не бывает счастливого конца, не так ли?" - спросила она.

Сириус нахмурился. "Я не могу вернуть твоего отца и твоих родителей-магглов, но я собираюсь устроить тебе хорошую жизнь, Гермiona", - пообещал он ей. "Я знаю, что ты уже не совсем маленькая девочка, но..."

"Я бы хотела ею быть", - призналась она. "Война отняла у меня детство. Думаю, я бы очень хотела его вернуть".

Он лучезарно улыбнулся. "Хочешь пони, девочка? Я с радостью подарю тебе пони".

Она тихонько засмеялась, впервые за несколько недель искренне. "Я возьму твоего гиппогрифа, если ты скажешь ему, чтобы он всегда оставался на земле".

Сириус вздохнул. "Ты забереешь моего Бакбика? Жестокая, жестокая ведьма", - поддразнил он ее, после чего встал и поцеловал ее в макушку. "Поспи немного, милая. Скоро мы проникнем в Хогвартс".

Выходя из спальни, Сириус обогнал Гарри в дверях и, наклонившись, тоже поцеловал его в макушку. Гермiona улыбнулась: никогда прежде она не чувствовала себя с другом как родные брат и сестра, как в этот момент.

"Привет, - сказал он, подходя к ней, неловко засунув руки в карманы. "Как ты себя чувствуешь?"

Она пожала плечами и подвинулась, чтобы дать ему возможность перебраться на кровать рядом с ней. "Лучше", - призналась она. "Дрожи больше нет, боли почти нет. Я готова вернуться в гущу событий вместе с тобой".

Гарри нахмурился и обнял ее за плечи, накручивая прядь ее черных волос на указательный палец и слегка пощипывая ее. "Я тут подумал... Может, тебе стоит остаться здесь?"

Она сузила на него глаза. "Гарри Поттер..."

"Гермиона, я не могу тебя потерять. Я думал, ты умрешь, и это будет моя вина..."

"Это не твоя вина", - шипела она на него. "Я в этом участвую, несмотря ни на что. Гарри, даже если бы не ты, я бы все равно стала мишенью, потому что я..."

"Но ты не такая".

Гермиона подняла голову, услышав новый голос, доносящийся из дверного проема.

Рон стоял на месте, засунув руки в карманы, явно опасаясь переступить порог комнаты. "Не магглорожденный. Больше нет".

Она грустно улыбнулась ему и наклонила голову, молчаливо приглашая его войти. Он неловко усмехнулся и вошёл в комнату, заняв противоположную сторону кровати и усадив её между собой и Гарри.

"Извини, что я так долго не появлялся, - пробормотал Рон, и Гермиона улыбнулась ему в знак молчаливого понимания и прощения.

Она посмотрела на один локон волос, спадавший ей на плечо, когда Рон накручивал его на пальцы - недавно она заметила эту нервную привычку, которую он перенял у Гарри.

Волосы были чёрными, цвета вороньих крыльев, цвета полуночного неба, обсидиана и оникса. Черные, как и ее имя. Она больше не была Гермионой Грейнджер. Она была Гермионой Блэк, чистокровкой. Она не знала, как быть чистокровкой, особенно в этой войне, когда все сводилось к крови. Шрамы на предплечье должны были служить напоминанием, постоянно указывать ей, кто она и что она, и какова ее ценность в мире волшебников для тех, кто не хотел ничего, кроме как угнетать ее, изгонять или убивать. Теперь же эти слова были насмешкой над тем, чем она когда-то была.

"Мне все равно", - сказала она скорее себе, чем мальчикам. "Неважно, какая у меня кровь. Я участвую в этой войне, я на правильной стороне, и я буду сражаться за эту сторону, несмотря ни на что. Я не оставлю тебя одного. Никогда".

Гарри печально кивнул головой, прекрасно понимая, что она ответит. "Сириус не хочет, чтобы ты уходил. Если честно, он и меня не хочет отпускать".

Она закатила глаза. "Он упрямый".

Рон фыркнул. "Даже не спрашивай, что думает обо всем этом моя мама. Каждый раз, когда она заводит разговор об этом, я говорю ей, что Джинни хотя бы уехала в Хогвартс. Она драматично сжимает грудь и начинает восхвалять Мерлина".

"Хотел бы я знать, как обезопасить всех", - признался Гарри.

Гермиона нахмурилась. "Это война, Гарри. Люди могут пострадать".

"Я знаю. Просто... Я надеюсь, что это не наши люди", - сказал он, и Рон кивнул в знак согласия.

Гермиона вздрогнула. "Гарри, мой... отец, Регулус... . Он был Пожирателем смерти".

Рон отвёл взгляд от неё, явно всё ещё не совсем смирившись с тем, что один из его лучших друзей оказался чистокровным. И не просто чистокровным, а почти королевской крови. Не то чтобы Уизли когда-либо заботились о таких вещах. Новость о том, что ее отец был Пожирателем смерти, также явно подтачивала строгий черно-белый образ мышления Рона.

"Я знаю", - сказал Гарри и сел, чтобы повернуться и посмотреть на нее, понимая, что его слова, должно быть, обидели ее. "Но он не был... Я имею в виду, он изменился. В конце концов, он сражался за правую сторону. Он умер героем".

"Но он все равно был Пожирателем смерти", - сказала она. "Как и профессор Снейп. Ты думаешь... Ты думаешь, они все плохие? Малфой не опознал нас, когда Беллатрикс..."

Глаза Гарри и Рона расширились.

"Он пытался убить профессора Дамблдора. Он наложил империус на мадам Розмерту, проклял Кэти Белл и отравил Рона", - сказал Гарри. "Я не думаю, что он убил бы профессора Дамблдора в конце концов... но он впустил Пожирателей смерти в Хогвартс".

Она положила руку на плечо Гарри, чтобы дать ему понять, что понимает его, и не пытается оправдать действия Слизерина, но ей есть что сказать. "Профессор Снейп действительно убил профессора Дамблдора".

Гарри нахмурил брови. "Он объяснил, почему".

Рон насмешливо хмыкнул в ответ.

"Думаешь, он не убивал раньше?" - спросила она друга, наблюдая, как он борется со своими эмоциями из-за этого вопроса. "Думаешь, они просто так раздают Темные метки? Ты показываешь свои чистокровные документы и вдруг оказываешься в ближнем кругу Волдеморта? Что они сделали, чтобы попасть туда, Гарри? Кого они ранили? Кого они убили? Я думаю, маловероятно, что профессор Снейп сидел и варил зелья, в то время как остальные Пожиратели Смерти ходили на пирушки, убивали и мучили людей", - сердито сказала она.

"Гермиона..." начал Рон.

"Как ты думаешь, кого убил мой отец, чтобы заслужить свой Знак?" - спросила она, ее голос одновременно повышался и срывался.

Гарри притянул ее к себе и крепко обнял. "Не делай этого. Его можно простить. Он искупил свою вину. Снейп искупил свою вину".

"А как же Пожиратели смерти, с которыми нам предстоит сражаться?" - спросила она.

Гарри покачал головой. "Они другие".

"Почему?" - взмолилась она, ее сердце болезненно сжалось. "Потому что они еще не искупили свою вину? Что если... Гарри, мы будем сражаться с этими людьми, и мы не знаем, кто они и почему они делают все это. Я не знаю, почему мой отец был Пожирателем смерти. Что, если мы вступим в бой, и я убью одного из них? Что, если я убью отца Пэнси Паркинсон? Отец Тео Нотта - Пожиратель смерти, но он всегда был очень добр ко мне. Что, если я убью его отца? Что, если я убью Малфоя?"

"Ты никого не убьешь", - твердо сказал Рон.

"Я не хочу, чтобы кто-то умер", - сказала она ему. "Они все заслуживают суда. Справедливого суда, не похожего на то, что случилось с Сириусом".

Гарри первым кивнул в знак согласия, но после некоторого раздумья Рон последовал за ним. "Ты прав".

В комнате воцарилось молчание, которое в конце концов было нарушено, когда Гарри потрепал один из своих непокорных локонов. "А как же Волдеморт?"

Гермиона закатила глаза и даже рассмеялась. "Думаю, для него можно сделать исключение".

<http://erolate.com/book/4074/112370>